

МИР ДЖАЛАЛ

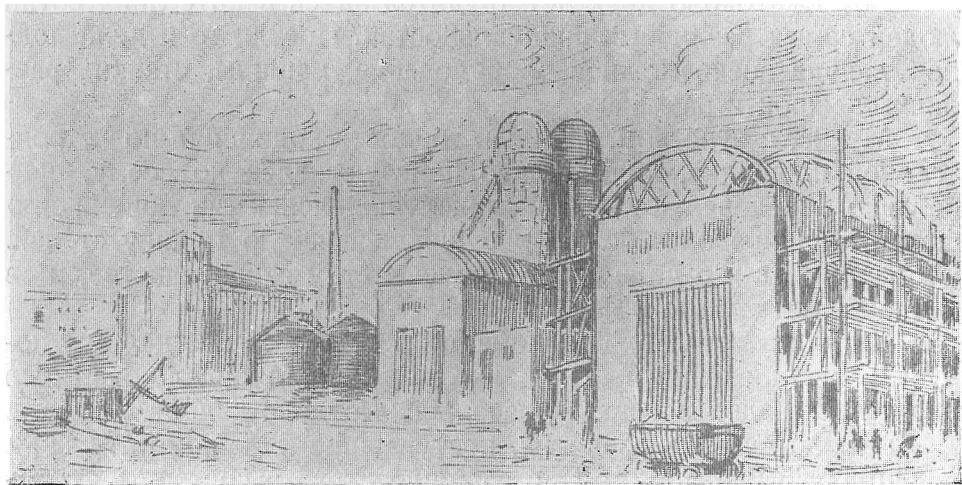

РАДОСТЬ

БАКУ

— ДЕТЮНИЗДАТ —

1950

НАША КНИГА

Мунис Мунисов с самого утра находился на стройплощадке. Постройка главного корпуса, которую намечали завершить к концу месяца, должна была украсить годовой отчет Мунисова. Вчера над зданием были сооружены последние фермы. Через пару дней думали закончить крышу.

За какие бы трудные дела ни брались наши люди, как бы напряженно они ни трудились, легко и свободно дышится им: они предугадывают и воочию видят плоды своего труда! Они верят в свои силы, они озарены светом величественного завтрашнего дня, той стройки, в фундамент которой сегодня закладывают камень!

Главный корпус завода был сейчас для Муниса уже не несбыточной мечтой, а реальной действительностью. Его высокие стены, металлические переплеты ферм, на которые скоро ляжет крыша, отчетливо виднелись в пяти-шести километрах от дороги.

Вот уже около двух лет трудятся здесь в поте лица сотни людей самых различных специальностей. Поезда то и дело подвозят сюда всевозможное оборудование, машины, станки различных марок и размеров.

Мунис, с чувством законной гордости ходивший по строительной площадке, внимательно приглядывался ко всему, приветливо беседовал с людьми, прислушивался к ликующей симфонии грандиозной стройки, нарушившей немую тишину степей. Он вспоминал и о доле своего труда в этом строительстве, и в такие минуты радость переполняла его.

Когда позвонили из райкома, он вызвал Давуда, дал ему поручения и, поспешно надев пальто, вышел. Мунис должен был работать сегодня в бригаде начальника отдела кадров Ульфата. Предстояло сверить сведения, поступавшие из вспомогательных предприятий и цехов, подвести общие итоги и составить годовой отчет.

Члены бригады с восьми часов вечера с головой погрузились в сводки и цифры.

Вдруг, посмотрев на часы, Ульфат сказал:

— Товарищи, если мы намерены встречать здесь утро, так надо бы сообщить домой.

Мунис поспешно поднялся:

— Эх, уже второй час! А мне еще надо к завтрашнему занятию подготовиться.

Когда Мунис пришел домой, все уже спали. В блоке было тихо и темно. Только зимний ветер, завывая, носился по цементным лестницам и бился о двери своими холодными крыльями.

Мунис умылся. Усталость одолевала его, хотелось улечься в постель. Но завтра—день политучебы! Он уселся за стол включил настольную лампу и положил перед собою книгу.

На очередном занятии с комсомольцами он должен был закончить изучение десятой главы «Истории ВКП(б)», рассказать о периоде социалистической индустриализации, о его трудностях и о том, как, борясь с ними и преодолевая их, партия одержала историческую победу. Ему нужно было проверить, как усвоили слушатели первоисточники.

Он еще раз просмотрел эту неоднократно читанную и испещренную пометками книгу.

Каждый раз, когда Мунис перечитывал ее, у него возникали новые мысли. С радостным волнением он повторял вслух некоторые строки. В этих страницах была заключена история побед великой страны и великого народа. В этой книге он видел не только историю своей Родины, но и пути развития всего современного человечества, все стадии ожесточенной борьбы между трудом и насилием, видел и знал, чем кончится и к чему приведет эта многовековая борьба.

Перед взором Муниса вставали миллионы экземпляров этой простой, ясной, наполненной глубоким смыслом книги, с изумительной яркостью рисующей картину общественного развития. Она издана на всех языках. Ее можно встретить во всех уголках мира. Повсюду—начиная от рабочих Польши, Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Италии и Франции, от свободолюбивых борцов Греции и Китая, солдат Индонезии, крестьян Индии, Аравии и Ирана и кончая студентами и профессорами—во всех этих странах, каждый, любящий свободу, честный человек с глубочайшим вниманием читает эту книгу.

Ничто не могло и не сможет преградить путь ясному свету, излучаемому этой книгой—ни снежные, упирающиеся вершинами в небо, горы, ни безбрежные моря, ни военные укрепления, ни лесные чащи, ни пустынные степи. Подобно лучам весеннего солнца, которые, проникая вглубь земли, пробуждают ее к новой жизни, эта книга зовет человечество к свободе и счастью.

В дверь постучали. Мунис взглянул на часы. Кто бы это мог быть так поздно? Ему показалось, что он ослышался. Он внимательно прислушался. Стук повторился.

**

—Кто там?

—Откройте, товарищ Мунис, это я!—услышал он голос Давуда.

Давуд с тремя комсомольцами совершал свой ночной обход. В честь XI съезда комсомола комсомольцы работали после

своей вахты. В ветренные штормовые ночи они обходили дозором территорию стройки, чтобы принять, если понадобится, срочные меры.

— Товарищ Мунис, кажется, ветер раскачал фермы.

— Что, что ты говоришь?

Мунис мгновенно вскочил и, натягивая на себя пальто, взял ключ и потушил лампу. Уже на ходу он спросил:

— Но пока ничего не случилось?

— Кажется, балка падает.

— Кажется!—рассердился Мунис,—не видишь, что у тебя перед глазами творится? Кажется!

Старший инженер быстрыми, широкими шагами шел против ветра.

— Некоторые из ферм как будто покосились,—добавил Давуд.

Муниса тревожило каждое сообщение о фермах, сооруженных над корпусом. «Этот северный ветер—настоящий враг стройки»—думал он, убыстряя шаги, торопясь увидеть все собственными глазами. Он шел, ничего не слыша. «Как будто покосились!... Во сколько тысяч обошлась нам каждая из семнадцати ферм, сколько времени потрачено на них!»

Ветер, яростно дувший с моря, кружил тучи мелкого песка, швырял его в стены домов, бился в заборы строек, свистел в телеграфных проводах, как голодный волк с воем носился по степи. Фонари на столбах и в подворотнях метались из стороны в сторону, словно птицы, попавшие в клетку. О силе ветра можно было судить по отчетливо слышному грохоту волн, разбивавшихся о скалы на далеком берегу. Мунис почувствовал, несколько влажных капель на щеках и лбу. Сперва он подумал, что это ветер доносит сюда брызги волн. Но тут же понял, что начинается снежный буран. И в этот миг ему на память пришли строки из книги, которую он только что перечитывал, готовясь по первоисточникам к занятиям. Это был незабываемый рассказ вождя о рыбаках, застигнутых бурей. «Нет, он не бросит весел!...» Мунис ободрился и собрал всю свою волю.

Подойдя к зданию главного корпуса, Мунис приказал за-

жечь прожектора. Пока он снизу, прищурясь, разглядывал фермы, сердце его беспокойно билось, тревога жгла его, словно огонь. Но вот глаза у Муниса расширились, как у человека, решившегося на отчаянный шаг.

— Беги, зови плотников!—крикнул он старику—сторожу, поеживавшемуся от холода у дверей.

А сам кинулся тащить лебедку со стальным канатом. Давуд помогал ему. Мунис, засвистел, вызывая сторожей с территории стройки.

— Сюда, идите, сюда!—кричал он указывая на здание главного корпуса, ярко освещенное лучами прожекторов.

Люди из соседних корпусов, подумав, что случился пожар, со всех сторон сбежались сюда и застыли в удивлении. Мунис, указав на покосившиеся фермы, крикнул:

— Разве время сейчас стоять!

Все ждали распоряжений Муниса.

Он решил связать стальным канатом фермы крыши и укрепить конец каната на земле. Поясняя свою мысль, Мунис описал руками полукруг в воздухе.

Собравшиеся поняли его, но молчали. В их взглядах угадывался вопрос, которого никто не задавал вслух. Мунис сразу же понял этот безмолвный вопрос, но что ему было ответить? Для того, чтобы выполнить задуманное им, нужно было на штормовом ветру подняться на девятнадцатиметровую высоту. А это почти наверняка грозило смертью. «Кто кинется в эту бурю? Кто рискнет своей жизнью?»

Люди ждали, к кому обратится инженер. Ожидание длилось недолго.

Мунис пристально поглядел вверх. Он был похож на командира, идущего в атаку и в последний раз проверяющего свои силы. Сняв пальто, он кинул его в сторону.

— Дай мне рукавицы!

Сторож шагнул вперед:

— Товарищ Мунис, такое дело...

— Слушай меня!—громко крикнул инженер.

Но не успел еще Мунис натянуть рукавицы, как Давуд уже тянул конец железного каната.

— А ну, юноша, посторонись!—бросил ему Мунис.

— Товарищ Мунис, это мое дело, я сам взберусь.

— Если я свалюсь, полезешь ты.

— Нет, это я должен вам сказать.

И Давуд быстрыми, решительными шагами направился к мосткам, чтобы подняться на крышу. Но Мунис остановил его.

— А ну-ка стой! Принесите предохранительный пояс с кольцом.

Сторож принес пояс, и Мунис сам застегнул его на Давуде.

Потом, повернувшись к рабочим, он приказал им:

— Приготовьте лебедку!...

Давуд привязал к поясу конец металлического каната и начал взбираться вверх, сперва по мосткам, а потом по прикрепленным к столбам поперечным перекладинам. Он добрался до балок крыши.

Здесь-то и начиналось самое трудное. Нужно было по узкой доске подойти к фермам. А ветер бил и хлестал неумолимо, словно только и ждал такого случая, когда можно будет расправиться со смельчаком. Давуд тянул за собой волочившийся по земле тяжелый канат, который мешал ему свободно двигаться.

— Осторожнее!

— Берегись!

— Не спеши!

— Не смотри вниз... Пусть он смотрит вперед...

Ветер уносил и заглушал слова, и Давуд не слышал этих предупреждений.

Мунис приказал плотникам подвинуть лебедку вперед и освободить немного канат, чтобы Давуду было легче идти. Не отрывая глаз, он внимательно следил за каждым движением Давуда, продвигавшегося по балке. Давуд, пройдя шаг, садился и, закрепившись поясом за следующий столб, продолжал двигаться вперед. Он боялся только ветра, словно холодная стена, навалившегося на него с правой стороны.

Каждый раз, когда Давуд отвязывал канат от одного стол-

ба и привязывал к другому, сердце Муниса замирало. Однако еще ничего не было сделано. Пока не была обвязана ни одна ферма и ветер мог беспрепятственно творить свое злое дело. Одна наклонившаяся влево ферма могла каждую минуту рухнуть и погубить все. И Мунис, вместо того, чтобы укрыться от порывов ветра, выходил на открытое место, чтобы лучше видеть Давуда. А может быть, он хотел, чтобы и Давуд видел его. Он ободряюще кричал ему:

— Мало осталось!

— Уже подходишь!

— Не спеши, держись крепче!

— Следи за поясом!

Вдруг Мунис громко крикнул:

— Ребята!

Люди кинулись в ту сторону, где, высоко над ними, находился Давуд. Мунис кричал:

— Не бойся! Ребята, канат!

Ветер свалил Давуда, он держался на поясе, болтая в воздухе ногами, и никак не мог за чтонибудь ухватиться. Напрягая все силы, он рванулся к столбу. Обледеневший железный столб обжигал руки. Давуд резким движением сорвал карманы со своей куртки, обмотал ими ладони, ухватился за столб и встал на ноги. . .

Он сделал рукою знак, что все благополучно. Ему показалось, что внизу не поняли его. Он хотел помахать товарищам шапкой. Но решив, что это бесполезно, продолжал идти вперед.

Обхватив последний столб, он несколько раз крепко обвязал его канатом, затянул тугим узлом и крикнул вниз:

— Тащите!

И он увидел как люди внизу начали крутить лебедку. Стальной канат натянулся. Все фермы будущей крыши были накрепко связаны между собой.

И видя это, Давуд радовался своей победе над штормом. И ему сейчас почему-то неудержимо захотелось громко, во весь голос кричать не выходившие из его памяти после политзанятий слова. И он кричал их наперекор ветру:

— Держись, ребята, крепче за руль, режь волны, наша возьмет!

Внизу не слышали слов Давуда и не понимали, что он кричит. Товарищам казалось, что он, радуясь своей удаче, распевает песню. Он всегда любил петь во время работы.

Только, пожалуй, Мунису были понятны эти слова Давуда.

Всего шесть дней назад, изучая с комсомольцами десятую главу Краткого курса Истории ВКП(б) и рекомендуя ребятам прочесть первоисточники, Мунис рассказал им о речи товарища Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) в апреле 1929 года. В этой речи товарищ Сталин, говоря о трудностях периода индустриализации, привел пример из жизни енисейских рыбаков и на этом простом и ярком примере показал, как должны вести себя во время опасности и трудностей люди, желающие выйти победителями в борьбе. Мунис прочитал комсомольцам слова вождя: «Видали ли вы рыбаков перед бурей на большой реке, вроде Енисея? Я их видал не раз. Бывает, что одна группа рыбаков перед лицом наступившей бури мобилизует все свои силы, воодушевляет своих людей и смело ведет лодку навстречу буре: «Держись, ребята, крепче за руль, режь волны, наша возьмет!». Но бывает и другой сорт рыбаков, которые, чуя бурю, падают духом, начинают хныкать и деморализуют свои же собственные ряды: «Вот беда, буря наступает, ложись, ребята, на дно лодки, закрой глаза, авось как-нибудь вынесет на берег»...

И, слушая это, каждый подумал про себя: — нет, я при опасности не лягу на дно. Буду крепко держаться. Наша возьмет!

Давуд не заучивал этих слов наизусть, но запомнил их крепко. Он хорошо понял, что нужно делать, когда «на горизонте появятся тучи». В эту ночь он кинулся навстречу буре. Но он кинулся не вслепую, не безнадежно, не со страхом. Его путь освещала великая книга. Мобилизовав всю свою волю, он пошел навстречу смертельной опасности так же спокойно, как в обычные дни ходил на работу.

И он добился своего.

Когда Давуд спускался вниз, шторм не только не утих, но разыгрался еще больше. Земля содрогалась от грохота. Дере-

вья, заборы и стены обледенели. Но никто из прибежавших на зов главного инженера не чувствовал холода и не двигался с места.

Мунис от души поблагодарил их:

— Спасибо, товарищи. Вы подоспели на помощь. От имени начальника строительства выражаю вам благодарность. А теперь по домам, греться!

Но никто не расходился. Все ждали Давуда. Зачем? Похвалить или обнять его? Нет! Посмотреть на него, узнать, хорошо ли он чувствует себя? Улыбается ли он? Светятся ли радостью его глаза? Не отморозил ли он щеки?

Сойдя на землю Давуд отстегнул пояс, отряхнул с себя снег и мелкие льдинки и, сняв шапку, вытер лицо, на котором, несмотря на мороз, выступили крупные капли пота.

Мунис обнял его.

— Спасибо, Давуд,—сказал он.—Ты настоящий храбрец!

— Знаешь Мунис ответил Давуд.—Все время пока я был там, наверху, мне будто слышались слова товарища Сталина о рыбаках. Они меня подняли к фермам, они мне дали силу, уберегли от опасности.

Мунис, улыбаясь, крепко пожал ему руку.

— Ты хорошо знаешь десятую главу «Истории партии» и первоисточники и отлично сдал экзамен.

— Что ты, товарищ Мунис! . . .

Давуд смущенно улыбнулся. Как всегда блеснули его ровные большие зубы. И улыбка, освещавшая его юное счастливое лицо, придавала ему в эту грозную штормовую ночь особое обаяние и красоту.